

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Чарлин Сэндс
КЛЮЧ К ЕГО
СЕРДЦУ

360

 HARLEQUIN®

Содлазнь

Чарлин Сэндс

Ключ к его сердцу

Серия «Соблазн – Harlequin», книга 360

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317613

Чарлин Сэндс. Ключ к его сердцу: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09084-3

Аннотация

Богатый вдовец Мейсон Бун, скорбящий по покойной жене, живет в городке Бун-Спрингс, основанном его предками. В этот же город ненадолго возвратилась Андреа Макдональд. Когда-то они встречались, но обида и непонимание разрушили их союз. Привлекательный техасец разбил Дреа сердце, а его семья отобрала у ее семьи землю и дом. Однако девушка не смогла вновь не поддаться его чарам...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	31
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Чарлин Сэндс

Ключ к его сердцу

Texan for the Taking

© 2019 by Charlene Swink

«Ключ к его сердцу»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Разумеется, он был здесь. Мейсон Бун.

Дреа Макдональд избегала его все эти годы, но сейчас этого сделать не получится. Ей придется общаться с ним по профессиональным вопросам. Хотелось бы думать, что он больше не тревожил ее чувства, что все уже отболело, что она все забыла. Но разве такое возможно? Увы, он оставил глубокий и неизгладимый след в ее сердце.

Мейсон стоял в конференц-зале, опершись на стену и скрестив руки на груди, и напряженно наблюдал за ней, не отводя угольно-черных глаз. На него сложно было не обращать внимания. Высокий и ослепительно красивый, одетый в элегантный темный костюм, он внушал уважение и излучал уверенность.

Когда она была моложе, ее к нему сильно тянуло. Но он, не задумываясь, пренебрег ею.

Лучше всего было бы отнестись к нему с безразличием, кивнуть и уйти. Не нужно показывать, какую боль он причинил ей. Чтобы он не заметил страдание в ее глазах или румянец на ее коже. Она много раз представляла себе их встречу.

Ее сердце часто билось в груди, потому что она была не единственной, кто лишился в жизни самого ценного. Не единственной, у кого в душе были глубокие шрамы. Мейсон тоже сильно пострадал. Два года назад он остался без жены

и нерожденного ребенка. Потеря и скорбь только усугубили чувство вины, которое она испытывала из-за того, что он ей так не нравился. Мейсону сочувствовал весь город. Трудно ненавидеть мужчину, пользовавшегося всеобщей поддержкой. Чувство вины съедало ее, хотя она имела полное право на него обижаться.

Стоя перед столом для конференций, Дреа закончила презентацию следующими словами:

– И благодаря щедрости Мейсона Буна и его семьи мы успешно начали сбор средств. Наша цель – два миллиона долларов.

Врачи, администраторы больниц и члены комитета благотворительного фонда переглянулись, скептически подняв брови. Цифра была очень высокой, это верно, но она всегда полагалась на свою репутацию и настойчивость в достижении целей. Тем более что в этой части Техаса жили многие богатые землевладельцы.

– Это выполнимо, – раздался уверенный голос из глубины комнаты.

Все головы повернулись к Мейсону Буну. Несколько десятилетий назад его семья положила начало городку Бун-Спрингс в Техасе, и больница была недавно переименована из мемориальной окружной в мемориальную окружную имени Буна. Многочисленные члены семьи Бун практически владели всем городом, причем лучшей его частью. Поэтому когда говорил кто-то из Бунов, люди слушали.

– Это вполне выполнимо, если мы постараемся, – настаивала Дреа, снова избегая взгляда темных глаз Мейсона. – И лично я собираюсь очень постараться.

– Умница девочка, – сказал седовласый доктор Кистоун. – Мы доверяем тебе, Андреа. Ты – наша надежда.

– Спасибо, доктор. Я ценю вашу поддержку. Вместе у нас все получится.

Она улыбнулась, чувствуя себя уверенно в черном костюме и вишневых туфлях на высоком каблуке. Ее длинные темно-каштановые волосы были гладко уложены. Она являла собой воплощение бизнес-стиля.

Эта работа на благо больницы позволяла достичь сразу нескольких целей. В случае удачного завершения проекта становилось более вероятным ее повышение до вице-президента в консалтинговой компании «Солюшнз инк.», в которой она работала в Нью-Йорке. Но что более важно, она хотела сделать хорошее дело для места, в котором выросла. Сбор средств планировался для строительства кардиологического отделения, и она занималась этим в память о матери, которая умерла от сердечного приступа. А еще она хотела воссоединиться со своим больным отцом. К сожалению, это означало жить в коттедже, который Буны подарили Макдональдам после того, как фактически украли их семейное ранчо «Грозовые холмы». Согласие отца на их условия сильно ее раздражало. Как он мог принять их дар, ведь жизнь Дрю была разрушена, вырвана с корнем после потери их родового

гнезда. Она потеряла свой дом, но отец, похоже, не заметил, как сильно это ее ранило.

После собрания Дреа собирала бумаги, аккуратно складывая их в стопку, когда вдруг услышала приближающиеся шаги и затаила дыхание.

– Отличная работа, Дреа.

Этот глубокий уверенный голос выбил ее из колеи. Тембр, тон, интонация, с которыми Мейсон произнес ее имя, всколыхнули воспоминания, перевернув ее мир вверх дном. Боже, но почему именно он возглавлял этот комитет? Хотя Дреа знала ответ на этот вопрос. У его беременной жены было больное сердце, и ее не смогли спасти. У них с Мейсоном были одни и те же причины быть вовлеченными в эту благотворительную кампанию. Прекрасно помня, какую боль он ей причинил, она все же с досадой обнаружила, что взволнована этой встречей. Она обижалась на все семейство Бунов, но на него – в особенности.

Мейсон стоял лицом к ней, сверля ее глазами, и она, взяв себя в руки, одарила его своей лучшей улыбкой.

– Спасибо.

За двенадцать лет он возмужал и стал еще привлекательнее: легкая небритость на подбородке, волосы, зачесанные назад, блестящие и черные. Но это ничего не значило. Она просто равнодушно смотрела на него, как будто он не производил на нее никакого впечатления.

– Хорошо выглядишь, – заметил Мейсон. – Отец навер-

няка будет рад видеть тебя дома.

– Я здесь временно, – сказала она, застегивая портфель.

– И все же встреча пойдет ему на пользу.

Она отвела взгляд. А что пошло на пользу ей? Явно не те дни и ночи, когда ей приходилось брать на себя роль взрослой, потому что ее отец был мертвецки пьян. Он никогда не готовил еду, не стирал одежду. У двенадцатилетней девочки появился ребенок, роль которого играл ее собственный отец. А ведь она так отчаянно нуждалась в любви и заботе!

– Там будет видно.

– Ты еще не была дома?

Она покачала головой:

– Нет, я приехала сюда прямо из аэропорта.

– Дреа... – произнес он и замолчал. Она отвела взгляд, чтобы не смотреть на него, и продолжила возиться с застежкой портфеля. – Хорошо, что ты дома, – сказал он наконец.

– Я здесь по делу, – кивнула она.

– Да, так и есть. Предлагаю спланировать наши предстоящие дела. Мы могли бы поужинать вместе и все обсудить...

– Нет. – Ее голос прозвучал резче, чем она хотела.

Это было непрофессионально. Мейсон посмотрел на нее так, словно она сошла с ума. Может, так оно и было. Она надеялась, что вернется домой и сделает что-нибудь хорошее для своего родного города, почтит память матери, даже если это означало, что ей придется работать с Мейсоном. Но сейчас ее чувства были настолько запутаны, что она не могла

отделить профессиональное от личного.

Дреа приехала сюда для проведения кампании по сбору средств, и ей платили, чтобы она довела дело до конца. Ей приходилось напоминать себя снова и снова, что она делала это в память о матери.

– Нет? – прищурился Мейсон.

– Я имела в виду, что дам тебе знать. Я действительно очень занята, Мейсон. Сегодня мне многое нужно обдумать.

Она одарила его деланой улыбкой, которая его не обманула.

– Да, я понимаю, – кивнул он, в его голосе явно звучало раздражение.

Ха! Мейсон не имел права быть недовольным ею. При последней их встрече он вел себя так, будто она пустое место.

Он передал ей визитную карточку, коснувшись ее руки своими длинными тонкими пальцами. Сердце Дреа забилось быстрее, нервное напряжение возросло. Его короткое теплое прикосновение пронзило ее тело электрическим током.

– Дай знать, когда у тебя будет время. На все у нас есть ровно месяц.

Его настойчивость не ускользнула от Дреа. Для него это дело было так же важно, как и для нее. Их объединяла общая цель – специализированное кардиологическое отделение в Бун-Спрингс. Но месяц работы бок о бок с ним казался вечностью. Не говоря уже о том, что она будет жить в коттедже на ранчо Райзинг-Спрингс. На родной земле Мейсона.

– Ах, это так же вкусно, как и прежде, – произнесла Дреа, проглотив большой кусок шоколадного кекса.

Поглощать столько мучного не подобало леди, но Кэти Роджерс, ее подруга детства и владелица пекарни, обиделась бы.

Подруга рассмеялась и сняла фартук. Она повесила на дверь кондитерской «Кексы Кэти» табличку «Закрыто» и присоединилась к Дреа за столиком.

– Ты не разочаровала меня, – сказала Дреа. – И ты помнишь, что я люблю.

– Конечно, помню. Не могу забыть то время, когда ты приходила ко мне и мы вместе пекли. Сколько нам тогда было лет, десять?

– Да, но наши кексы даже близко не могли сравниться с той выпечкой, которую ты делаешь для своей кондитерской. Я так горжусь твоими достижениями, Кэти. Держу пари, по утрам весь Бун-Спрингс толпится в очереди за твоими творениями.

– Я не жалею, – ответила она. – Дела идут хорошо. Здорово, что ты вернулась в город. Я скучала по тебе.

Дреа сжала руку Кэти:

– Я тоже по тебе скучала. Не могла уехать в Райзинг-Спрингс, не повидавшись с тобой.

– Я рада. Только не хочу, чтобы это было временно. Мне хочется общаться с тобой лично, а не по видеосвязи.

– Что ж, попробуем использовать мое пребывание здесь

по максимуму. У нас обеих куча дел, но давай договоримся, что постараемся встречаться несколько раз в неделю, — предложила Дреа.

— Клятва на мизинчиках?

Они сцепили пальцы, как делали в детстве.

— Обещаю.

— Отлично, решено. — Кэти привстала. — Не хочешь ли чашечку кофе, чтобы запить кекс? Я могу заварить свежего.

— Когда это твои кексы нужно было запивать? — улыбнулась Дреа. — Нет, спасибо. Еще один кофе — и я захлебнусь. Давай просто поговорим.

Кэти улыбнулась и плюхнулась на свое место.

— Хорошо. Итак, ты ведешь сбор средств для больницы.

Дреа кивнула.

— С Мейсоном?

— Да, и это главный недостаток моего возвращения домой. Я должна сосредоточиться на сборе денег, поэтому и вынуждена терпеть Бунов.

— Я понимаю, что тебе тяжело, Дреа. Но Мейсон потерял Ларису и ребенка. Как я слышала, он только сейчас начинает приходить в себя от горя.

— Это трагедия. Но давай не будем о Бунах. Потому что, если мы продолжим, я задам вопрос о Лукасе.

Глаза Кэти округлились.

— А при чем здесь Лукас? Мы просто друзья, не более того.

— Угу. Сделаю вид, что я тебе поверила.

– Ради бога, Дреа, он был помолвлен с моей сестрой и разбил Шелли сердце, когда ушел служить в морскую пехоту.

– Но я слышала, что он вернулся, – заметила Дреа, откусив еще кусочек кекса.

– Не напоминай мне о нем. Шелли все еще не исцелилась от душевных ран. Это был такой шок! Ей казалось, что у них с Люком все по-настоящему. После расставания Шелли так переживала. Мама убеждена: во всем виноват Люк. Как будто это был не Люк, а Риск.

Ривер «Риск» Бун, сердцеед и бывший знаменитый гонщик родео, из всех Бунов имел самую плохую репутацию.

– Да, но мы не можем забыть, что он Бун, – напомнила Дреа.

Кэти удивленно подняла правую бровь и покачала головой.

– Итак, после стольких лет... ты тоже еще не исцелилась?

– Исцелилась от чего? От того, что Буны нажились на горе моего отца и забрали у него наше поместье? Долгое время наши семьи дружили, но, как только мой отец попал в трудную ситуацию, они воспользовались этим, и теперь у нас лишь коттедж на их земле. Они дали папе жалкую работу смотрителя. К тому же из-за Мейсона мне пришлось.... О, не важно. Не хочу даже говорить об этом. – Она махнула рукой, закончив тираду.

Кэти бросила на нее серьезный понимающий взгляд. Но подруга знала далеко не все. Дреа не рассказала ей, что про-

изошло после ее неудачного общения с Мейсоном. Как она бросилась в объятия первого попавшегося мужчины и лишилась девственности. Как забеременела и потеряла ребенка. Это было худшее время ее жизни.

– Думаю, нам нужно оставить прошлое позади, Дреа. Я и сестре постоянно это говорю.

– Да, но иногда легче сказать, чем сделать.

Доев кекс и слизнув глазурь с пальцев, она прикрыла глаза от наслаждения.

– Я слышала, твой отец не совсем хорошо себя чувствует. На прошлой неделе он сильно упал. Когда я узнала об этом, то привезла ему коробку абрикосовых печений и полдюжины кексов.

– Ты самая лучшая подруга. Он любит такие печенья. Спасибо, что проведала его.

– Он очень рад, что ты вернулась.

– Да, я знаю.

Дреа не могла много говорить об этом, ее переполняли эмоции. Может, именно поэтому она тянула время, не торопясь ехать домой. Конечно, она скучала по отцу и любила его. Но, если посмотреть правде в глаза, Дрю Макдональд никогда не получит награду «Отец года». Горько, но факт.

– Он изменился, Дреа. Он очень старается.

Та вздохнула.

– Поверю, когда увижу, – произнесла она и взглянула на часы, – и сделаю это прямо сейчас. Мне не хочется расста-

ваться с тобой, но я должна ехать.

– Свяжемся позже?

– Конечно.

Обе встали, и Кэти пошла за прилавок.

– Одну секунду... Я не отпущу тебя домой с пустыми руками, – заявила она и подала подруге белую коробку с лакомствами и фирменной наклейкой «Кексы Кэти». – Вот теперь иди. Добро пожаловать домой.

– Спасибо, подруга. Чувствую, мне не получится сохранить стройные бедра.

– Мне тоже это не удалось. Мы все обречены.

Дреа усмехнулась и поцеловала Кэти в щеку.

– По крайней мере, пойдем ко дну вместе.

Покинув кондитерскую, Дреа ощутила панику. Больше нельзя было медлить. Пришло время отправиться в место, которое она никогда не считала своим домом.

Девушка припарковала машину перед домом отца как раз в тот момент, когда осеннее солнце стало клониться к закату. Темно-розовые и пурпурные брызги окрасили небо над головой. Она и забыла, какие потрясающие закаты в этой части Техаса. Когда последний раз она видела такой яркий и красочный горизонт? Открытые пространства этого штата были будто созданы специально для таких удивительных зрелищ. Это явление принесло немного покоя ее взволнованному сердцу.

Однако она больше не была прежней техасской девчон-

кой.

Посмотрев в сторону васьковского коттеджа, отделанного белым, она увидела отца, сидевшего в кресле-качалке на передней веранде. Заметив ее, он сделал попытку встать. Его лицо покраснело, но не от боли, как она предположила, а от разочарования, так как он не смог этого сделать и плюхнулся обратно на сиденье. При следующей попытке он подтянулся на руках и прислонился к столбу веранды. Его волосы стали еще белее, тело – более коренастым, но он все еще был красив, и в его зеленых глазах плясали искорки. Он помахал ей рукой.

Дреа помахала в ответ, затаив дыхание и напомним себе, что это не тот самый пьяница, который после смерти ее матери решил пустить свою жизнь под откос. Он пытался быть хорошим отцом, научился пользоваться смартфоном и звонил ей каждую неделю, чтобы поговорить. Ни разу не упрекнул ее в том, что она не приезжала, ни разу не попросил переехать и жить с ним. Но она все равно чувствовала себя виноватой.

Выйдя из машины, Дреа достала свой багаж. Когда она подошла ближе, везя за собой чемодан, он широко улыбнулся, отчего стал выглядеть лет на десять моложе своих шестидесяти пяти.

– Привет, папочка, – сказала она.

Почему она вдруг назвала его так? Она так не говорила с тех пор, как перестала быть ребенком.

– Привет, девочка моя. Добро пожаловать до мой.

Дреа все же полагала, что ее настоящим домом были «Громовые холмы», их родовое поместье, которое забрали Буны и включили в состав своего владения Райзинг-Спрингс.

– Спасибо, – сказала Дреа, поднявшись по ступенькам и оказавшись лицом к лицу с отцом.

Он был бледен, двигался медленно, но его глаза блестели от волнения. Раскрыв объятия, он сделал шаг к ней, и тень страха на мгновение промелькнула у него на лице. Он испугался, что она его не обнимет. В детстве она сильно нуждалась в его объятиях, его заботе. Но прошлое осталось позади. Шагнув, она коротко к нему прижалась.

– Рад тебя видеть, Дреа. Ты такая красивая, совсем как твоя мама. Как у тебя дела?

– У меня все хорошо. А как ты, папа?

– У меня все в порядке.

Она ему не поверила. Он упал, и, когда она спрашивала его об этом по телефону, списал все на застарелый артрит, но, по словам Кэти, ко врачу ехать отказывался.

В прежние времена отец в состоянии опьянения терял равновесие и падал несколько раз в день. Теперь он, вероятно, боялся, что она не поверит в его трезвость, признайся он, что свалился с лестницы.

Дреа очень надеялась, что он не сорвется.

– Нам нужно многое наверстать, девочка моя.

– Да, конечно. Пойдем внутрь. Я приготовлю нам ужин. Глаза отца заблестели.

Все уже сделано. Я приготовил твое любимое жаркое в горшочке и картофель. Я даже попробовал испечь фирменное печенье твоей мамы.

– Ты это сделал? – Никто не делал домашнее печенье так, как ее мать. Возможно, Кэти была права. Возможно, отец действительно пытался стать лучше. – Что ж, пойдем внутрь и все попробуем. Умираю с голоду.

– У меня тоже урчит в животе. Но главное – я так рад, что моя маленькая девочка вернулась домой.

Ей было двадцать девять лет, она уже не была маленькой девочкой. И ей придется иметь дело со старыми воспоминаниями и болью, которую они вызывали.

Следующим вечером Дреа вздохнула с облегчением, вернувшись в свой коттедж после очень продуктивного рабочего дня в больнице в отсутствие Мейсона. Целый день она, затаив дыхание, ждала его появления, но он так и не появился, и она была рада, что не нужно иметь с ним дело. Она обсудила некоторые важные аспекты сбора средств с руководителями различных департаментов и совершила звонки для подтверждения списка предметов искусства для продажи в благотворительных целях. Остальные мероприятия нужно было обсудить с представителями семейства Бунов, и у нее не осталось другого выбора, пришлось связаться с Мейсоном.

Она вошла в свою спальню, оставленную нетронутой с тех

пор, как она жила здесь, чтобы сменить деловой костюм и туфли на высоком каблуке на джинсы и футболку с надписью «Я люблю Нью-Йорк», которую она получила за участие в забеге на пять километров. Потом, собрав волосы в хвост, умылась и почистила зубы. Глядя в зеркало, Дреа удивилась, что снова стала похожа на школьницу. Немного макияжа и гладкая прическа сильно преображали ее внешность. Но внутри она все еще была той неуверенной в себе, настороженной маленькой девочкой.

Все оказалось не так уж ужасно, отец действительно перестал пить, а она изо всех сил старалась забыть прошлое. Однако ее шрамы были глубоки и простить его было нелегко. Не прошло и дня, чтобы она не подумала о ребенке, которого потеряла. Это не был ребенок Мейсона, но она винила его за то, что он отверг ее, разрушив ее уверенность в себе и толкнув в объятия первого мужчины, который проявил к ней интерес.

Стук в дверь спальни вывел ее из задумчивости.

– Дреа, можно поговорить с тобой?

Открыв дверь, она увидела отца, а дальше по коридору, в гостиной – четверых мужчин: Мейсона и Риска Бунов, управляющего ранчо Джо Бакли и Дуэйна, одного из служащих.

– Да, папа. Что происходит?

Отец покачал головой, выражая раскаяние.

– Я забыл об игре в покер. Мы обычно собираемся здесь

по вечерам во вторник. Прости, Дреа. Я так обрадовался твоему приезду, что совсем забыл об этом. Мне сказать, чтобы они ушли?

– Нет, папа. Конечно нет. Я не хочу, чтобы из-за меня нарушались твои планы.

Ирония заключалась в том, что в детстве она всегда чувствовала себя помехой в его жизни, так как мешала ему пить.

– Они принесли пиццу. Из пиццерии «Вилла Антонио», между прочим. Поужинаешь с нами?

Что она могла ответить? Джо ей нравился, он всегда к ней хорошо относился. Дуэйн был ее ровесником. Они вместе ходили в школу. Ей не нравилась мысль о том, что придется сесть за один стол с Бунами, но голод давал о себе знать, и не могла же она всю ночь прятаться в своей комнате.

– Думаю, мне не стоит это делать.

Она вошла в гостиную вместе с отцом, и мужчины сняли шляпы. Все поздоровались, кроме Мейсона. Держа шляпу в руке, он посмотрел на нее долгим взглядом и кивнул.

– Ты все еще разбиваешь сердца мужчин в Нью-Йорке, Дреа? – спросил Риск, заразительно улыбнувшись.

Риск был очаровательным, но она всегда немного опасалась его.

– Не знаю, но мне хочется думать, что я разбиваю их другими способами.

– Держу пари, что так.

– Рад тебя видеть, Дреа. Ты хорошо выглядишь, – сказал

Джо. — Давно не виделись.

— Да, давно, — ответила она. — Как Мэри Лу?

— Все в порядке.

— Пожалуйста, передайте ей от меня привет.

— Будет сделано, — произнес он, улыбаясь.

— Привет, Дреа, — сказал Дуэйн. — Вспоминал о тебе на встрече одноклассников в честь десятилетия выпуска.

— Понимаю. Я просто не могла приехать, но Кэти мне обо всех рассказала. Поздравляю, я слышала, у тебя родился ребенок.

— Да, верно. Мы с Хизер назвали его Бенджа мином, в честь моего отца.

Он достал телефон и показал ей фотографию сына.

— Он такой милый.

— Мы тоже так думаем. Спасибо.

— Значит, вы с Мейсоном будете вместе работать над сбором средств? — спросил Риск, перевел взгляд на брата и подмигнул ему.

Она не знала, насколько в курсе его семья об их взаимоотношениях с Мейсоном.

— Таков план, — сказал Мейсон, пристально глядя на нее. — После сегодняшнего покера я бы хотел поговорить с тобой об этом.

— Обычно мы заканчиваем не слишком поздно, — вмешался отец. — Ведь завтра у всех рабочий день.

— Хорошо.

Ну что ж, ей придется вести себя сухо и по-деловому. Она уже внутри этой ситуации, и у нее была работа.

Мейсон кивнул, и все уселись за обеденный стол. Она жевала пиццу и пила чай со льдом, время от времени украдкой поглядывая на него. И каждый раз его угольно-черные глаза устремлялись на нее, как будто она была одна в комнате. Он заставлял ее трепетать от волнения, и ей это совсем не нравилось.

Между ней и Мейсоном всегда что-то было. Может быть, только с ее стороны. В семнадцать лет она прониклась чувствами к парню на шесть лет старше ее, и ее влюбленность с возрастом только росла. Ровно до того момента, как он отверг и унизил ее.

После ужина мужчины сели играть в покер, а Дреа занялась делами: убрала на кухне, собрала коробки из-под пиццы и установила таймер на кофеварке так, чтобы через два часа был готов кофе. Мужчины принесли пива, на чем, как узнала Дреа, настоял ее отец. Он не хотел портить им вечер из-за своих проблем с алкоголем. Перед ним стоял высокий стакан с чаем со льдом.

Три года он сохранял трезвость. Боже, она надеялась, что худшее уже позади. Но все равно ее терзали сомнения. Возможно, отец просто хотел показать ей, что изменился.

Пока они играли в карты, Дреа пошла в свою комнату и включила ноутбук. На экране появилась заставка с восходом солнца над Гавайями. Эх, как бы она хотела оказаться внут-

ри этой картинки! Но, увы, этого никогда не случится. Возможно, такая безмятежность вообще недостижима.

Она открыла электронную таблицу с календарем и занялась работой. Ей нужно было спланировать все до мелочей, чтобы сбор средств был успешен. Она полностью погрузилась в расчеты, когда стук в дверь нарушил ее концентрацию, и она подскочила.

Стучал явно не отец, звук был более резким и настойчивым. И она, кажется, знала, кто там. Подойдя к двери и резко ее распахнув, она была готова встретиться с Мейсоном лицом к лицу.

Дреа сразу почувствовала древесный запах его одеколона и заглянула в бездонные темные глаза. Он уперся руками в дверной косяк, и она почувствовала себя в ловушке.

– Привет, – сказал он.

Она ожидала, что он будет требовать, настаивать, чтобы они приступили к работе, давить на нее. Но одно это слово, произнесенное тихо, удивило ее, и она насторожилась.

– Мейсон...

– Я... я знаю, что уже поздно, но нам, наверное, стоит поговорить. Если ты не против, конечно.

Было еще не поздно, только девять тридцать. В напряженные дни ей нередко приходилось работать до полуночи. Но в Бун-Спрингс все было не так, как в большом городе. Темп был медленнее, ночи короче, а утро наступало раньше.

– Все в порядке.

– Прекрасная ночь. Почему бы тебе не взять куртку и не выйти со мной на задний двор?

Дреа заморгала. Ей не хотелось оставаться наедине с Мейсоном в лунную ночь, но и показывать страх свой она не желала.

– Хорошо, – ответила она. – Подожди минут ку, встретимся на улице.

Мейсон кивнул и вышел.

Дреа закрыла дверь и прислонилась к ней, слушая бешеный стук сердца.

Воспоминания вспыхнули в ее голове, но она прогнала их прочь. Ей нужно было работать. Она претендовала на должность вице-президента «Солюшнз инк.». Многое зависело от проявления ее профессиональных навыков в сборе денежных средств. И она не могла позволить Мейсону Буну встать у нее на пути.

Сетчатая дверь открылась, и Дреа вышла наружу. Мейсон вскочил со своего места, как только увидел ее. На девушке были джинсы, симпатичная розовая рубашка и черная кожаная куртка. Ее волосы были собраны в хвост, несколько волнистых прядей выбились из прически. Она выглядела мило и привлекательно, совсем не так, как та напряженная, застегнутая на все пуговицы женщина, которую он встретил вчера в зале заседаний.

Много лет назад он был увлечен ею, но потом разум взял

верх, и он не решился прыгнуть в омут чувств. Семнадцатилетняя Андреа Макдональд смотрела на него с таким обожанием! Но она была дочерью Дрю, запутавшейся девочкой, нуждавшейся в любви. Мейсон был старше и предположительно мудрее, он бы только испортил ее.

Теперь он хотел сказать, что ей нечего бояться, он перестал ощущать себя живым, с тех пор как два года назад ушла из жизни Лариса. Хотя, может быть, он много на себя брал. Возможно, он ее вообще больше не интересовал. Она изменилась. Впрочем, как и он. Прошрое лучше оставить в прошлом.

– Принес тебе кофе, – сказал он, указывая на чашку, стоявшую на плетеном столике.

Дреа улыбнулась, явно удивленная этим жестом.

– Спасибо.

– Я не знаю, как ты это пьешь.

– Просто черный кофе.

Мейсон протянул ей чашку, их пальцы соприкоснулись, и он заглянул в ее красивые глаза. Дреа опустила веки и отвернулась. Глаза были светло-зелеными, как у Дрю, а длинные блестящие темные волосы и оливковую кожу она унаследовала от матери, Марии. Во внешности Дреа поразительным образом сочеталась ирландская и латиноамериканская кровь.

– Посидишь со мной? – Он указал на скамейку, на которой сидел сам.

Дреа нехотя села на краешек.

– Значит, ты все еще обижаешься на Бунов? – спросил он внезапно.

Этот вопрос не давал ему покоя с тех пор, как он увидел ее вчера.

Девушка вскинула голову, и кофе немного расплескался. К счастью, она не обожглась. Мейсон никогда бы себе этого не простил.

– На кого-то больше, на кого-то меньше, – сказала она, ее глаза сузились, и она уже не казалась наивной малышкой.

– Мы пытались помочь твоему отцу, Дреа. Он отчаянно в этом нуждался...

– Я знаю эту историю, не нужно ее пересказывать.

– Может быть, и нужно. Может быть, это единственный способ выяснить отношения между нами.

– То есть я должна забыть о том, что Буны отказали ему в ссуде и он в результате потерял дом? А еще забыть, что наша земля оказалась выкупленной вами, папе пришлось проглотить свою гордость и устроиться к вам на работу, а я потеряла дом.

– Все было не так, Дреа.

– Я тоже так думаю, Мейсон. Все было гораздо хуже. Это было страшное предательство.

– Твой отец...

– Что мой отец? Он начал сильно пить после смерти мамы, и... он никогда уже не будет прежним.

У Мейсона не хватило духу сказать Дреа правду. Если

Дрю молчал все эти годы, то не его дело открывать ей глаза и объяснять, что восприятие фактов маленькой девочкой было ошибочным. Дрю взял с отца Мейсона обещание не раскрывать детали сделки. Поскольку родители Мейсона много лет назад погибли в авиакатастрофе, теперь он чувствовал свою ответственность за соблюдение договоренностей. Если Дрю не хотел ничего рассказывать дочери, то и он, Мейсон, этого делать не будет.

– У твоего отца сейчас все хорошо, – только и сказал он.

– Так мне говорят все в Бун-Спрингс.

Мейсон покачал головой:

– Разве ты не рада, что он стал лучше себя контролировать?

– Конечно, рада. Если на этот раз все по-настоящему. – Ее голос понизился до шепота. – Я раньше часто разочаровывалась.

Мейсон провел рукой по лицу.

– Знаю, тебе было нелегко, Дреа.

Она покачала головой, и ее длинные волосы шелковистой волной рассыпались по плечам.

– Ты ничего обо мне не знаешь, Мейсон.

Он встретил взгляд ее грустных зеленых глаз, и у него защемило сердце.

– Я знаю больше, чем ты думаешь.

– Как настоящий Бун, ты заявляешь, что знаешь все на свете...

Он прижал два пальца к ее губам:

– Тише, Дреа.

Она посмотрела ему в глаза.

Мейсон не мог поверить, что прикоснулся к ней. Дотронулся до ее мягких губ, засмотрелся в эти дерзкие глаза. Впервые за много лет он почувствовал себя живым. Это было пьянящее ощущение, и он хотел большего. Он хотел удержать ту внутреннюю искру, которая свидетельствовала, что он жив, он дышит.

Его пальцы скользнули по ее щеке, дотронулись до волос.

– Мейсон, ты с ума сошел? – прошептала Дреа, но взгляд ее глаз сказал ему, что она думает иначе.

– Возможно.

– Ты этого не сделаешь...

– Сделаю.

Он прижался губами к ее губам и ощутил их сладость и спелость. Ее губы были созданы для поцелуев. Давно забытое ощущение охватило его. Он помнил ее, помнил девушку-подростка, нуждавшуюся в любви, открывшую ему свою душу и предложившую свое тело.

Ему пришлось ее прогнать.

Любой порядочный мужчина поступил бы так.

Но Андреа уже не ребенок. И ему было хорошо с ней, настолько хорошо, что его охватило чувство вины. Его сердце принадлежало другой и всегда будет принадлежать.

Его внезапный порыв взволновал его. Мейсон как будто

снова терял голову. На протяжении многих лет в его жизни не было ничего внезапного и импульсивного. Тем более что рядом с ним Дреа, которую ему никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя было целовать.

Глава 2

Губы Дреа задрожали, когда Мейсон поцеловал ее. Она не могла поверить в реальность происходящего и не хотела его, пусть даже его губы были такими твердыми и восхитительными, пахнувшими кофе и свежестью ночного воздуха.

Он обхватил ее за плечи, требуя более страстного поцелуя. Ее пульс участился, тело обдало жаром и между нею и Мейсоном что-то происходило, что-то реальное, чувственное, почти выходившее из-под ее контроля. Нет, она не должна. В прошлом из-за него она совершала безумные, импульсивные поступки. Ее страсть к нему почти угасла, она разрушила ее жизнь, и этого забыть было невозможно. Крепко зажмурившись, она положила руку ему на грудь и оттолкнула изо всех сил.

Мейсон отклонился назад, вздрогнув:

– Черт, Дреа.

– Мейсон, я не знаю, о чем ты думаешь...

– О том же, о чем и ты. О поцелуе.

– Я не хочу этого.

Она намеревалась дать ему пощечину, но... это было бы чересчур драматично.

– Я тоже не хотел тебя целовать. Хорошо, хотел, но только в данный момент.

– Я думала, ты скорбящий вдовец.

Дреа поднесла руку ко рту, но... поздно. Она не могла взять свои слова обратно.

Мейсон уставился на нее, его глаза потеряли блеск.

– Так и есть, – ответил он спокойно.

Тогда зачем целовать ее? Она замолчала, в замешательстве, пытаясь разобраться в этом.

– Это было... неожиданно.

– Понимаю. Для меня тоже.

Девушка скрестила руки на груди, ее губы припухли от поцелуя.

– Ты не имел права.

– Это я тоже знаю.

– Зачем ты это сделал? – спросила Дреа, заглянув ему в глаза, и увидела в них бурю эмоций.

– Я... э-э-э... Честно?

– Разумеется.

Мейсон провел рукой по лицу, погладил подбородок.

– Я что-то почувствовал. Что-то живое у себя внутри. Как будто это возникло, когда я прикоснулся к тебе, и я хотел продолжать чувствовать это, хотя бы несколько секунд.

– Ох...

Дреа поняла. Кажется, он был счастлив в браке, они ждали ребенка. И вдруг все это исчезло. Она тоже испытывала подобного рода потерю и от отчаяния бросилась в объятия первого попавшегося мужчины, когда Мейсон ее отверг, и забеременела. Случился выкидыш, она потеряла ребенка

и ушла от Брэда Уильямсона, мужчины, который любил ее. Тот год был самым тяжелым в ее жизни.

А теперь оказалось, что именно она явилась причиной того, что Мейсон что-то почувствовал. Как такое возможно?

– Почему... я?

Мейсон криво улыбнулся и покачал головой:

– Понятия не имею.

– Ну что ж, честный ответ.

– Почему ты ответила на поцелуй?

Она не поддастся соблазну, не скажет ему, как много он когда-то значил для нее. Как было больно ей, семнадцатилетней. И как она злится на него сейчас, потому что он заставил ее тоже что-то почувствовать.

– Ты хорошо целуешься.

– И это все?

– Конечно, это все. Я давно ни с кем не встречалась...

– Ладно, я понял. – Он выдохнул и запустил пальцы в волосы, выглядя при этом расстроенным и немного сердитым. – Слушай, давай забудем об этом.

– Договорились. Что дальше?

– А дальше мы сделаем то, ради чего собирались встретиться. Поговорим о сборе средств.

– Ладно, у нас нет выбора.

Мейсон нахмурился, и Дреа ощутила легкое торжество. По крайней мере, он не попытается ее снова поцеловать. Это было бы большой ошибкой с его стороны, и еще большей

ошибкой для нее. Пока он держит свои руки подальше от нее, с ней все будет в порядке. Глубоко вдохнув, она попыталась успокоить бешено колотившееся сердце.

– Итак, с чего начнем? – спросил он.

– С того, что я расскажу тебе о своих идеях, а ты признаешь их гениальными.

Через полчаса Мейсон попрощался с Дреа, которая ушла в свою комнату, и направился на кухню.

– Сделать тебе еще кофе? – спросил Дрю, выходя из гостиной.

– Да, если можно. Мы вас не побеспокоили?

– Нет, я не настолько устал, чтобы спать. Вот, решил выпить кофе и посидеть здесь немного. Присоединяйся.

Мейсон знал, как старик любит кофе, поэтому налил ему чашку, положил туда два куска сахара и протянул Дрю. Тот был сладкоежкой, но лучше сахар, чем алкоголь.

– На самом деле я хотел бы поговорить с вами, – произнес Мейсон. – Если вы готовы к этому.

– Выигрыш в покер всегда меня воодушевляет. Вы с Дреа провели некоторое время наедине. Меж ду вами все хорошо? – спросил он.

Мейсон поцеловал Дреа. Он не был уверен, что забудет эту искру, которая зажглась у него внутри. Так что нет, ничего хорошо не было. Дреа он не нравился, а он чувствовал себя виноватым, словно изменил жене. Эта грызущая боль не уходила, и он сомневался, что сможет сегодня выспаться.

– Да, все отлично. Она очень умная и отлично справляется со сбором средств.

– Значит, мисс Макдональд поделилась с вами своими идеями?

– Да, разумеется. У Дреа отличные идеи. Она знает, как нужно работать.

Они планировали начать с пятничного аукциона, на котором будут продаваться работы художников, местных и не только. В субботу днем решено было провести семейный фестиваль по сбору средств, с играми, катанием на пони, аттракционами и лотереей для детей. Вечер этого дня был отведен для танцев, и Дреа уже вела переговоры с кантри-группой «Блю», номинированной на «Грэмми». Она собиралась привлечь талантливого дизайнера к созданию сайта и организовала приглашение добровольцев для участия в мероприятии.

Мейсон будет отвечать за логистику и контролировать общий ход работ, пока Дреа и ее команда будут работать над деталями.

Их тридцатиминутный разговор после поцелуя сумел завладеть его вниманием, и он старался не обращать внимания на ее красивые зеленые глаза и нежное тело.

– Я горжусь ею, но мне бы хотелось, чтобы она немного отдыхала.

– У нас очень мало времени, чтобы все организовать, Дрю.

– Я имею в виду, я знаю, что этого не заслуживаю, и, ви-

дит бог, я проведу остаток своих дней, пытаюсь наверстать упущенное. Я был ей плохим отцом, когда она так нуждалась во мне.

– Она все поймет. Потому что любит вас, Дрю.

– Да, но ей не всегда нравятся мои поступки.

Мейсон потер подбородок.

– Тетя Лотти вернулась домой. Она приехала вчера вечером из путешествия в Африку, очень хотела увидеть Дреа. Так что ожидайте ее с визитом.

– Лотти? Какого черта она делала в Африке столько месяцев?

Мейсон усмехнулся. Он подозревал, что Дрю любил ее когда-то, но они были совершенно несовместимы, как нефть и вода. И у них было свое прошлое: Лотти и покойная жена Дрю, Мария, долгое время дружили.

– Понятия не имею. Спросите ее, когда она зайдет.

Дрю отвернулся и проворчал, что она не очень-то и хотела его видеть.

– Что?

– Ничего.

– Тетя Лотти собирается сделать Дреа сюрприз, так что ничего ей не говорите, ладно?

– Я ничего не скажу. Мой рот на замке.

– Папа, ты говоришь сам с собой? – спросила Дреа, зайдя на кухню, но, заметив Мейсона, резко остановилась. – Ты все еще здесь?

Он молча кивнул. Дреа была в розовой пижаме, штанах и облегающем топе, почти ничего не скрывавшем. Во рту его внезапно пересохло, но Мейсон сохранил самообладание, хотя эмоции одолевали его.

– Я как раз собирался уходить.

Она сложила руки на груди. Если она думала, что это защитная поза, то сильно ошиблась. Ткань только плотнее натянулась на ее груди.

Мейсон развернулся и поставил кофейную кружку в раковину. Он не мог больше смотреть на нее ни секунды, иначе и ей, и ее отцу станет очевидно, как сильно она его привлекает.

Он не верил своим ощущениям. Дреа разбудила впавшего в зимнюю спячку медведя, и он проснулся. Так что нужно было быстро убираться отсюда. Он направился к двери, стараясь оставаться спиной к Макдональдам.

– Спасибо за игру, Дрю. Спокойной ночи, Дреа.

Затем он вышел из коттеджа, не глядя на них.

На следующий день Дреа объехала весь округ, постоянно останавливаясь и сверяясь со списком дел в своем смартфоне. Было страшно даже представить, вдруг что-то случится с ее телефоном или планшетом – и вся ее жизнь окажется стертой. Припарковав машину на подъездной дорожке отцовского коттеджа, она закрыла глаза и про себя повторила самые важные пункты.

Связаться с поставщиками.

Обойти местные художественные галереи.

Перепроверить с Кэти, каким образом будут украшаться кексы для детей.

Попросить группу «Блю» дать благотворительный концерт.

Перестать думать о Мейсоне.

Черт. Чем больше она старалась, тем труднее это было осуществить. Она не могла выбросить из головы его пальцы, которые мягко коснулись ее, мгновенно вызвав жар по всему телу, решимость в его глазах, когда он нежно коснулся ее губ. Он затронул что-то в ней, и она ответила на поцелуй.

Мейсон сказал, что с ней почувствовал себя живым. А она не солгала, будто это был лучший поцелуй за долгое время. Все как-то сразу запуталось. Она ненавидела Мейсона за то, что он унизил ее, отверг и разбил ей сердце. Потеряв уверенность в себе, она отдала первому попавшемуся мужчине свое тело, но не сердце.

Стук по стеклу вывел ее из задумчивости. Открыв глаза, она увидела улыбавшуюся ей женщину.

– Дреа, милая. Я не могла ждать ни секунды, чтобы увидеть тебя. Надеюсь, не испугала?

– Лотти?

– Да, я вернулась и умираю от желания поговорить с тобой.

– Ах, Лотти, как же я рада тебя видеть!

Мама Дреа и Лотти были лучшими подругами, после

смерти Марии женщина стала уделять Дреа много внимания и любви.

В свои шестьдесят лет Лотти не выглядела увядшей. Она следила за своей внешностью, носила модную одежду, оставалась такой же стройной и красила свои седые волосы в светло-медовый оттенок.

– Прекрасно выглядишь. Ты никогда не поста реешь.

– Возраст – это всего лишь цифра, милая. – Лотти снова улыбнулась, окинув ее взглядом. – Ты самая красивая, Дреа. Ты уже взрослая. Я знаю, что говорю это каждый раз, когда вижу тебя, но это правда. С каждым днем ты все больше и больше похожа на свою маму.

– Сочту это за комплимент.

– Боже, мы не виделись целых два года!

– Да, два года назад ты приезжала навестить меня в Нью-Йорке.

– Мы отлично провели время, ходили на шоу, по магазинам.

– Для меня очень важно, чтобы мы оставались на связи.

Они часто созванивались и посылали друг другу сообщения.

– Эй, чего расшумелись? – сказал Дрю, медленно вышедший из дома.

Лотти закатила глаза и прошептала:

– Твой отец все больше превращается в старого ворчуна.

– Я слышу тебя, Лотти, – нахмурился Дрю.

– Меня это не волнует, Дрю. Рано тебе готовиться к могиле. Сбрось несколько лишних килограммов – и почувствуешь себя обновленным.

– Ну, теперь ты и доктором заделалась. Ты этому в Африке научилась?

Лотти усмехнулась:

– Я на самом деле многое узнала там. Познакомилась с врачом-гомеопатом.

– Ах вот как! Он вылечил твои болезни?

– Если бы они у меня были, – тихо сказала Лотти, – я уверена, Джонатан вылечил бы их.

На секунду лицо Дрю побледнело.

– Ладно, девочки, входите в дом и болтайте сколько хотите.

Мужчина придержал входную дверь для Лотти и Дреа. Лотти принесла с собой приготовленный ею ужин – каджунского цыпленка и пасту с креветками, ее фирменное блюдо и одно из любимых блюд Дреа.

Дрю сидел и слушал, как его дочь и Лотти болтали обо всем на свете – о бродвейских пьесах, одежде, музыке. Всякий раз, когда приходила эта женщина, он начинал чувствовать себя старым. Ее жизнелюбие и жизнерадостность выглядели чертовски привлекательно. Порой она ужасно его раздражала, но она также была его другом на всю жизнь. Она всегда без обиняков высказывала свое мнение. Когда она уходила, он скучал по ней. Он устал, его кости ныли, но,

слушая болтовню дочери и Лотти, он чувствовал умиротворение.

– Папа, Лотти говорила тебе, что ездила на сафари?

– Еще бы.

– Это здорово, правда?

– Ну... наверное.

– Это было грандиозное приключение, – сказала Лотти, и ее мягкие карие глаза заблестели. – Я наслаждалась каждой минутой.

– Но теперь-то ты дома, да? – спросила Дреа.

– Да, слава богу. Я дома уже давно. Техас у меня в крови. Я скучала по нему и моим племянникам.

Облегчение, которое почувствовал Дрю, заставило его задуматься. Почему он был так откровенно счастлив, когда она приходила в его дом? Всякий раз, когда Лотти оказывалась рядом, его переполняли смешанные эмоции.

– И я особенно рада, что вернулась вовремя, чтобы увидеть тебя, – сказала Лотти, взяв руку Дреа. Она была для его дочери больше матерью, чем он отцом. – Как надолго ты здесь, милая?

– На несколько недель, пока идет сбор благотворительных денег для больницы.

– Мейсон рассказал мне об этом. Вы двое работаете вместе, поэтому я не сомневаюсь в успехе.

– Думаю, ужин почти готов, – объявил Дрю.

– Боже, как вкусно пахнет! – воскликнула Дреа.

– Это каджунский ужин Лотти.

– Твой любимый, папа. – Дреа широко улыбнулась ему, ее глаза заблестели.

– Насколько я помню, это и твоя любимая еда. Видит бог, она никогда не принесла бы ничего вкусного, если бы здесь был только я.

Лотти кивнула в его сторону:

– Дрю Макдональд, почему ты всегда всем недоволен?

– Ты хочешь сказать, что приготовила этот особый обед для меня?

Лотти закатила глаза. Она часто так делала, и он находил это раздражающим, но милым.

– Я говорю, что если нам всем нравится это блюдо, так почему бы не попробовать.

– Звучит заманчиво. Я пропустила обед и умираю с голоду. – Дреа встала и бросила на них обоих быстрый взгляд.

– Я накрыл на стол, – заявил Дрю.

Ну ладно, Лотти тоже помогала. Она приехала за несколько минут до того, как Дреа вернулась домой, и они быстро все сделали. У него замерло сердце, когда он увидел подругу жены, и с тех пор он был немного взволнован.

Когда Лотти прошла мимо него, рука об руку с его дочерью, он почувствовал сладкий, фруктовый аромат, напомнивший ему о свежесобранной клубнике.

Осеннее солнце показалось над горизонтом, озаряя зем-

лю светом и даря ей тепло. Дреа, присев на корточки, руками в перчатках выдергивала сорняки. Она пообещала себе, что приведет в порядок двор перед домом. Так как ее работа начиналась только в одиннадцать, сегодня была отличная возможность начать благоустройство.

– Ты меня не одолеешь, – потянула она изо всех сил неподдающийся сорняк. – Я все равно тебя устранию.

Сорняк поддался, и инерция отбросила ее назад. Она приземлилась в кучу увядших петуний.

– Ой.

– Похоже, сорняк не единственный, кого одолели.

Посмотрев вверх, она увидела Мейсона с ухмылкой на лице.

– Откуда ты взялся?

Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться. Дреа проигнорировала его и, упершись руками в землю, встала и отряхнула грязь с джинсов. Почему этот мужчина всегда видит ее в неловких ситуациях?

– Я обычно бегаю по утрам.

Он был в черных спортивных штанах и белой футболке, открывавшей мускулистые руки. Он отлично выглядел, от него дух захватывало. Пышущий здоровьем и жизненной силой сексуальный мужчина.

Да, Мейсон все еще был красив, но тот поцелуй... он же ничего не значил. Она цеплялась за эту мысль, потому что у нее не было другой альтернативы, она не хотела больше

страдать.

– Я запомню, – сказала она.

Она постарается избегать его в эти утренние часы.

– Ты рано встала.

– Занимаюсь садоводством, как видишь. Отец совсем забросил двор, хочу привести все в порядок.

– Уверен, ты достигнешь своей цели. Сужу по тому, как ты работаешь над сбором средств.

Он был прав. Дреа была целеустремленной. Ей всегда не хватало одобрения в жизни, она вынуждена была всего достигать большим трудом и при этом нуждалась не в славе, но в ощущении собственной нужности и признании.

– Спасибо.

Он провел рукой по волосам и серьезно посмотрел на нее:

– Слушай, у нас небольшая проблема с группой «Блю». Я разговаривал с их агентом вчера вечером, и не похоже, что они порадуют нас своим присутствием.

– Что? Как такое может быть? В прошлый раз, когда мы разговаривали, они заинтересовались.

– Да, примерно так и есть. Ты говорила с Шоном Манфредом, солистом, и очевидно, парень сочувствует нашему делу. У его матери был сердечный приступ, и он хочет помочь. Но агент не соглашается, пока его требования не будут выполнены.

– Какие же у него требования?

– Он не сказал. Хочет обсудить.

– Отлично. Могу это взять на себя. Когда он услышит, какое это хорошее дело...

– Дело в том, что в эти выходные у них концерт в «Голливуд Боул» в Лос-Анджелесе, а их менеджер согласен только на очную встречу. Честно говоря, мы не можем позволить себе тратить на это много времени.

– Мы?

– Да, мы.

– Я справлюсь сама, Мейсон.

– Мы оба сможем убедить его лучше. Воспользуемся моим самолетом. К тому же заодно я посмотрю земельный участок, на который давно положил глаз.

– В Лос-Анджелесе?

– Да, на побережье.

– Не знала, что ты любитель пляжей, – ответила она спокойно, но сердце ее заколотилось как бешеное.

Ей придется проводить с ним много времени наедине. Хоть это и бизнес-поездка, но все же...

– На самом деле нет, но, может быть, пришло время мне немного расшириться. Лариса всегда любила пляж. Утверждала, что это успокаивает ее, дает умиротворение.

– Тебя тоже успокаивает?

Он пожал плечами:

– Да, наверное. Значит, договорились? Едем в субботу утром.

– Хорошо. А в субботу вечером уже вернемся, верно?

Мейсон прикинул, что им предстояло выполнить за день. Полет в Лос-Анджелес занимал три часа. Итого шесть часов полета за день.

– Если агент поведет себя как нормальный человек, мы все успеем. – Его глаза блеснули. – У тебя любовное свидание в субботу?

– У меня нет времени на свидания. Я концентрирую все свои усилия на сборе средств.

– Тогда ладно. Я все устрою, и ты вовремя вернешься к борьбе с сорняками.

– Хорошо.

Ничего хорошего. Она прикусила губу, борясь с эмоциями. С одной стороны, ей нужна была эта группа для благотворительного мероприятия. Она билась лбом в кирпичную стену, пытаясь уговорить их, пока не поговорила с Шоном. Он убедил ее, что проблем не будет. Ее ошибкой стало то, что она сначала не заручилась поддержкой агента. Теперь оплошность требовалось исправить, поэтому поездка была необходима. Но, с другой стороны, это означало, что целый день она проведет с Мейсоном. Она поклялась себе, что не позволит чувствам к нему выплеснуться наружу.

– И я хочу, чтобы ты прекратил это делать.

– Делать что?

– Ловить меня в неловких ситуациях.

Вчера – в домашней одежде, сегодня – в битве с сорняком. Его ухмылка превратилась в широкую улыбку.

– Наверное, просто повезло.

Мейсон побежал дальше по дороге, и она залюбовалась его длинными мускулистыми ногами. Трепет пробежал по ее телу, и она прикусила губу, мысленно проклиная жар, наполняющий ее изнутри.

Глава 3

В субботу утром Дреа встала и еще раз проверила свой багаж. Она взяла с собой дополнительный комплект одежды, а также документы, необходимые для переговоров с агентом группы «Блю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.